

ВОСПОМИНАНИЯ А. Г. СТЕПАНОВОЙ-БОРОДИНОЙ

Публикация В. Евгеньева-Максимова

Автор публикуемых ниже воспоминаний о Некрасове — Александра Григорьевна Степанова родилась в 1846 г. в семье видного педагога Григория Григорьевича Перетца. Образование получила в частном пансионе, а впоследствии на Высших женских курсах (была слушательницей первого выпуска). Двадцатилетней девушкой она вышла замуж (в 1866 г.) за сына известного карикатуриста Н. А. Степанова — Сергея Николаевича. Знакомство ее с Некрасовым произошло в доме Степановых.

Александра Григорьевна принадлежала к передовым людям своего времени. По сведениям, полученным мною от ее старшей дочери Т. С. Янковой, она была очень радикально настроена, сочувствовала революционному движению и поддерживала дружеские отношения, между прочим, и с С. М. Степняком-Кравчинским. Ее литературная деятельность выразилась в сотрудничестве в начале 70-х годов в до-суворинском «Новом Времени» и в многочисленных переводах. Сочувствуя женскому движению, она была в последние десятилетия своей жизни деятельным членом Женского взаимно-благотворительного общества. Ее воспоминания о Некрасове были прочтены ею в самом начале 1903 г. на заседании одного из кружков, существовавших при Обществе. Поводом к составлению и оглашению воспоминаний послужило исполнившееся на исходе 1902 г. двадцатипятилетие со дня смерти Некрасова. Воспоминания подписаны фамилией Бородиной: в конце 70-х годов Александра Григорьевна Перетц разошлась с С. Н. Степановым и вышла замуж за известного ботаника, впоследствии академика, Ивана Парфентьевича Бородина.

Обращаясь к содержанию воспоминаний, необходимо, прежде всего, отметить, что в них ярко отразилось то восторженное отношение, которое передовые семидесятники питали к поэзии Некрасова. В воспоминаниях приводится ряд интересных фактов, свидетельствующих о том, как Некрасов дорожил сочувствием молодежи, как подбодряли его выражения этого сочувствия, какие откровенные и искренние беседы он готов был вести, когда видел перед собою человека, настроенного к нему тепло и благожелательно. Воспоминания Бородиной не нуждаются в особых комментариях, их содержание говорит само за себя, вписывая несколько ярких страниц в историю взаимоотношений Некрасова и передовой молодежи 70-х годов.

Воспоминания А. Г. Бородиной дополняются двумя ее статьями в «Новом Времени», в которых речь идет о Некрасове (статьи подписаны инициалами «А. С.»). В первой из них («Новое Время» 1873 г., № 37) содержится резкая отповедь Буренину за его нападки на «Русских женщин» и дается восторженная оценка «Княгине Волконской». Во второй статье («Новое Время» 1873 г., № 61), говоря о «Последыше», автор высказывает свой общий взгляд на поэзию Некрасова, полностью соответствующий тому, что думали о ней семидесятники: «Муза г. Некрасова все крепнет, развивается и идет вперед. Кто из наших поэтов так глубоко прочувствовал и понял русский народ, кто искреннее и честнее относится к нему, кто думает его думами, говорит его языком, плачет его кровавыми слезами, — кто, как не певец скорбей родной земли?..».

Воспоминания публикуются по автографу, хранящемуся в Институте литературы Академии Наук СССР.

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕКРАСОВЕ

В шестидесятых годах имя Некрасова было окружено таким ореолом, что каждый из нас, людей тогдашнего молодого поколения, жаждал хоть издали взглянуть на любимого поэта, хоть послушать его на литературном чтении, если уж не было надежды увидеть его где-нибудь в обществе. Сравнительно с другими, мне посчастливилось, так как, благодаря благоприятно сложившимся обстоятельствам, мне удалось не только встретиться с Некрасовым, но и довольно близко познакомиться с ним. Но, прежде чем я приступлю к рассказу об этом знакомстве, скажу еще, что и я видела его, или, вернее, слышала, в первый раз на литературном вечере. Говорю — слышала, так как сидела очень далеко и, благодаря своей близорукости, не могла даже разглядеть столь горячо чтимого мною поэта. Он читал на этом вечере свое знаменитое стихотворение «Р а з м ы ш л е н и я у п а р а д н о г о п о д ъ е з д а», и, когда он начал певуче декламировать своим характерным усталым и глухим голосом:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великую русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется,—
То бурлаки идут бичевой!..

вся зала замерла, а у меня потекли безмолвные слезы, и я почувствовала в эту минуту, как зазвучали все струны моего юного шестнадцатилетнего сердца. В настоящее время, когда критическое сознание гораздо более развито в массе интеллигенции, чем тогда, вряд ли даже может быть понятен тот энтузиазм и то преклонение, какими мы были преисполнены к поэту-гражданину, нашему светочу и руководителю, воплощавшему в себе наш идеал писателя. Ни Пушкина, ни Лермонтова мы не любили и не понимали, — они казались нам тогда такими чуждыми, пели о любви к вечной природе, о красивых ножках, один глядя на жизнь оптимистом, а другой — пессимистично, и все это в то время, когда старые идеалы добра и красоты сороковых годов совсем уж поблекли и когда на смену им шла новая жизнь с другими требованиями и запросами, когда вместе с уничтожением крепостного права стало некогда и не на что (крестьяне уж оброчков не платили) восхищаться красотой, а надо было делать будничное, но нужное дело, когда слово п о л ь з а стояло на первом плане и, конечно, не для себя, а для народа. И с этим-то народом Некрасов впервые познакомил нас и, что самое главное, сумел заставить нас понять и полюбить всех этих Власов, школьников, Арин-солдаток, всех этих баб, замерзающих в поле, ребят, возящих дрова из лесу в шестилетнем возрасте, и, полюбив их, мы горячо привязались и к поэту, который открыл перед нами этот до тех пор почти неведомый для нас мир, и, пристрастные, как всегда бывает в юности, мы вознесли его на недосягаемую высоту, перед которой невольно мельчали в наших глазах великие поэты, которых сам Некрасов считал для себя недосягаемыми образцами.

Вторично я уж встретилась с Н. А. Некрасовым в доме близких мне людей, а именно у старика Степанова, бывшего издателя сатирических журналов «Искры» и «Будильника»¹. Когда я вошла в гостиную, то Некрасов уже был там и разговаривал с самим Степановым; меня тотчас же ему представили, но я была так поражена неожиданностью встречи, что не сумела даже ничего сказать и молча села в углу гостиной, все время издали поглядывая на знаменитого гостя и стараясь хорошенько разглядеть его. Вскоре, впрочем, ко мне подошли сын Степанова² и один из сотрудников «Искры», некий Воронов³, автор книги «Московские поры и трущобы». Сначала я мало говорила и отвечала нехотя, недовольная тем, что мне мешали смотреть на Некрасова, но потом невольно увлек-

лась спором с Вороновым, который всегда изрекал невозможные парадоксы, и, заспорив с ним, начала страстно и пылко опровергать его. Вдруг около меня раздался знакомый хриплый голос поэта, подошедшего проститься с нами, и я опять так смутилась своей невольностью в споре, что могла только молча подать ему руку. Когда он отходил от меня, то довольно громко сказал провозжавшему его до парадной старику Степанову: «Огонь-барышня, люблю таких!..». Таким образом, и эта встреча почти не может быть названа знакомством с поэтом, так как я не об-

А. Г. БОРОДИНА

Фотография 1870-х гг.

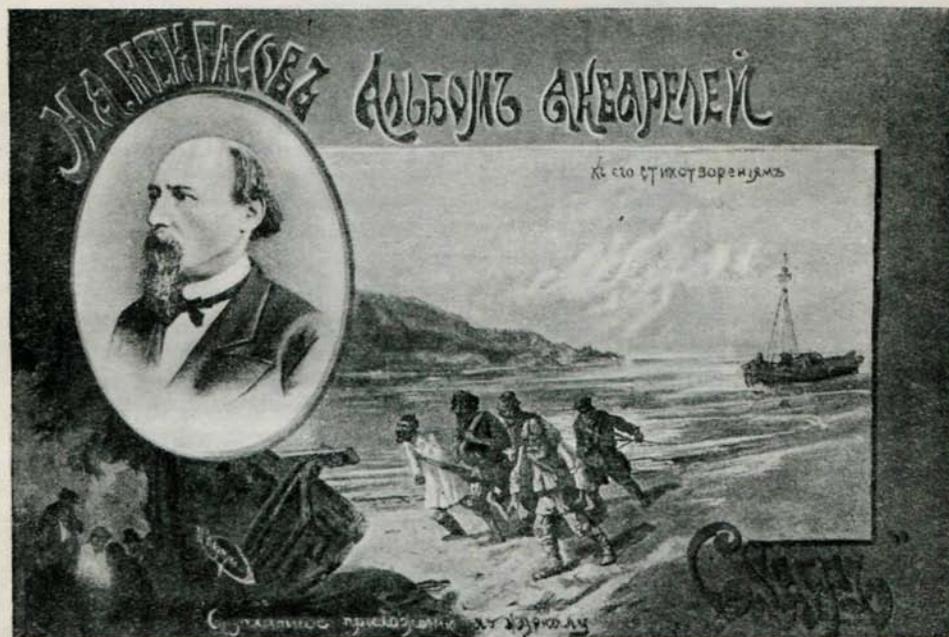
Институт литературы АН СССР, Ленинград

менялась с ним ни одним словом. Между прочим, вспоминая этот эпизод, я не могу не упомянуть о том, что Некрасов был в таких хороших отношениях со стариками Степановыми, что когда их сыну минуло 12 лет и ему подарили альбом, то мать мальчика попросила и его написать что-нибудь в этот альбом, который был сплошь исписан знаменитыми в то время литераторами. Только на двух первых страницах мать мальчика написала прозой, но весьма сердечно, свои пожелания обожаемому единственному сыну⁴. Некрасов, как известно, вообще горячо ценил всегда любящую мать, а С. С. Степанову он, кроме того, и глубоко уважал, как умную и энергичную женщину. И вот в этот альбом двенадцатилетнего мальчика он написал следующее небольшое стихотворение:

Пишите, други! — Начат путь!
 Наполним быстро том альбомный,
 Но вряд ли скажет кто-нибудь
 Умней того, что прозой скромной
 Так поэтически сказать
 Сумела любящая мать!

Н. Некрасов

Приступая к рассказу о моем знакомстве с Н. А. Некрасовым, я должна прежде вкратце сообщить, при каких обстоятельствах оно совершилось и чем было вызвано. В 1873 г., ровно тридцать лет тому назад, сын историка Устрялова предпринял издание новой газеты «Новое Время»⁵, редакцию которой поручил довольно известному в то время поэту Н. Л. Пушкиреву⁶. В число сотрудников была приглашена и я для составления журнальных обзоров и библиографических отчетов о вновь выходящих книгах. Газета наша была очень мало известна, шла очень плохо и имела всего 1500 подписчиков, но мы не унывали и надеялись на то, что нам

ОБЛОЖКА «АЛЬБОМА АКВАРЕЛЕЙ П. П. СОКОЛОВА К СТИХОТВОРЕНИЯМ
Н. А. НЕКРАСОВА»

Хромолитография с акварельного рисунка Н. Каразина

Приложение к журналу «Север» на 1894 г.

удастся, наконец, завоевать расположение публики. Собственно говоря, я имела мало отношений к остальным сотрудникам и знала только Устрялова и Пушкирева.

Когда я начала писать свои журнальные обзоры, то слава Некрасова была в своем зените,— он стоял тогда во главе «Отечественных Записок», и появление каждой его вещи было событием, как для критики, так и для публики. В этом году он печатал в своем журнале отдельными главами свою знаменитую, оставшуюся неоконченной, поэму «Кому на Руси жить хорошо». Когда появилась глава «Последыш»⁷, я, конечно, не могла пройти молчалием этой типичной и яркой картины прежнего помещичьего быта и написала о ней восторженный отзыв⁸. Вскоре после того, когда я была на журфиксе у Ал. Konst. Шеллера (Михайлова тож), с которым была хорошо знакома, он вдруг сообщил мне, что Некрасову кто-то указал на мою статейку; он прочел ее и заинтересовался узнать имя автора, так как я подписывалась всего двумя буквами. Когда ему сообщили, что это пишет женщина, то он выразил желание познакомиться со мной, чем я была, конечно, очень польщена. Тем не менее,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Хромолитография с акварели П. П. Соколова

«Альбом акварелей к стихотворениям Н. А. Некрасова». Приложение к журналу «Север»
на 1894 г.

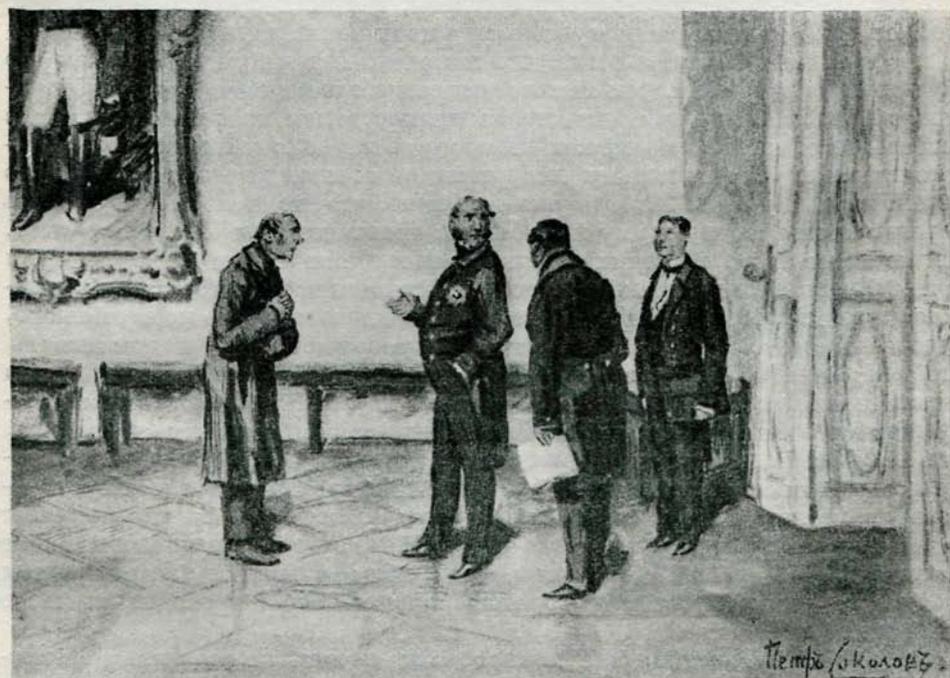

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ФИЛАНТРОПЪ»

Хромолитография с акварели П. П. Соколова

«Альбом акварелей к стихотворениям Н. А. Некрасова». Приложение к журналу «Север»
на 1894 г.

так как мне неловко было явиться к поэту прямо на дом, то, может быть, наше знакомство опять не состоялось бы, если бы не случилось, несколько времени спустя, одного обстоятельства.

Дело в том, что газета наша продолжала иметь так же мало успеха, как и вначале, и наш издатель, затратив на нее большие деньги, не находил для себя возможности продолжать ее издание и стал искать на нее покупателя. Кто-то из литераторов сообщил ему, что Некрасов желает купить газету, а когда он передал об этом редактору, то тот, зная, что поэт желал познакомиться со мною, предложил мне съездить к нему и узнать, действительно ли он желает купить газету и на каких условиях? Конечно, я с восторгом ухватилась за такой прекрасный предлог ехать к Некрасову и поспешила написать ему письмо, в котором спрашивала, когда он может принять меня по делу. Вскоре же я получила от него весьма любезный ответ⁹, в котором он назначал мне день и час, когда мог принять меня, и добавил к этому, что давно уже желал познакомиться со мною.

Трудно передать словами то взволнованное состояние, в котором я ехала из Лесного на уг. Литейного и Бассейной, где столько лет жил Некрасов и где он и умер. До сих пор после тридцати лет я помню каждую мельчайшую подробность моего свидания с ним. В первой большой комнате, через которую камердинер провел меня в его кабинет, стоял посредине большой бильярд, что мне тотчас же бросилось в глаза. Николай Алексеевич принял меня крайне любезно и тотчас же заговорил со мной о моих фельетонах (за это время мне не раз приходилось писать о его стихах) и сделал это так тонко и деликатно, точно в самом деле считал меня заправским литератором. Меня поразило и тронуло такое внимание к почти неизвестной фельетонистке весьма мало распространенной газеты, и я поспешила заметить ему, что, конечно, он-то вовсе не нуждается в моих похвалах. На это он серьезно и с выражением сказал мне, что напрасно я так думаю, так как его гораздо больше бранят, чем хвалят, искренняя же оценка вполне беспристрастного молодого человека, написанная с таким горячим чувством и непосредственностью, не может не тронуть глубоко человека, измученного жизнью, затравленного недругами и сознающего порой, что его талант идет на убыль. Я тогда уже понимала, что, конечно, местами столь дорогой моему сердцу и уму поэт бывает прозаичен и не все удается ему, тем не менее автор «Русских женщин», «Коробейников» и «Кому на Руси жить хорошо» был для меня и тогда воплощением истинного поэта-гражданина, и за идею я охотно прощала ему такие ничтожные, по моему мнению, недочеты. Поэтому я начала энергично возражать ему и доказывать, что для большинства молодого поколения он все-таки остался могучим властителем наших дум. Тогда Некрасов с горечью и нескрываемым раздражением заметил, что зато старое поколение готово заживо съесть его, что ему не прощают его популярности среди молодежи и успеха его журналов. Тут только я вспомнила, по какому делу я приехала к нему, и заговорила с ним о газете. Он ответил мне неопределенно, что подумает и даст мне ответ, просил приехать еще, добавил, что ему было так приятно поговорить со своим человеком, стоящим вне всяких литературных дрязг, сердечно простился со мною и сам пошел проводить меня до передней.

После этого посещения мне пришлось еще несколько раз быть у Некрасова, и каждый раз он так же весьма сердечно справлялся о моей семье и о моих литературных занятиях. Помню, что когда я была у него вторично, то он спросил меня, есть ли у меня дети? Я отвечала ему, что у меня есть трехлетняя девочка, которой я часто декламирую его стихи, в особенности «Коробейников», которые она особенно любит, и, когда она хочет, чтоб

я прочла ей (я всегда читала наизусть) какой-нибудь отрывок из Некрасова, она всегда говорит мне: «Мама, спой!». Стихи эти она считала песнью. Это ужасно понравилось Некрасову, и он несколько раз повторил мне: «Вот оно детское-то определение всех выше — «Мама, спой!», — вот вам и высшая похвала для поэта! Значит ваша крошка умница, и позвольте мне сделать ей подарок за то, что она так меня утешила». С этими словами он встал, взял из шкапа тот том своих сочинений (по тогд. изд. III т.),

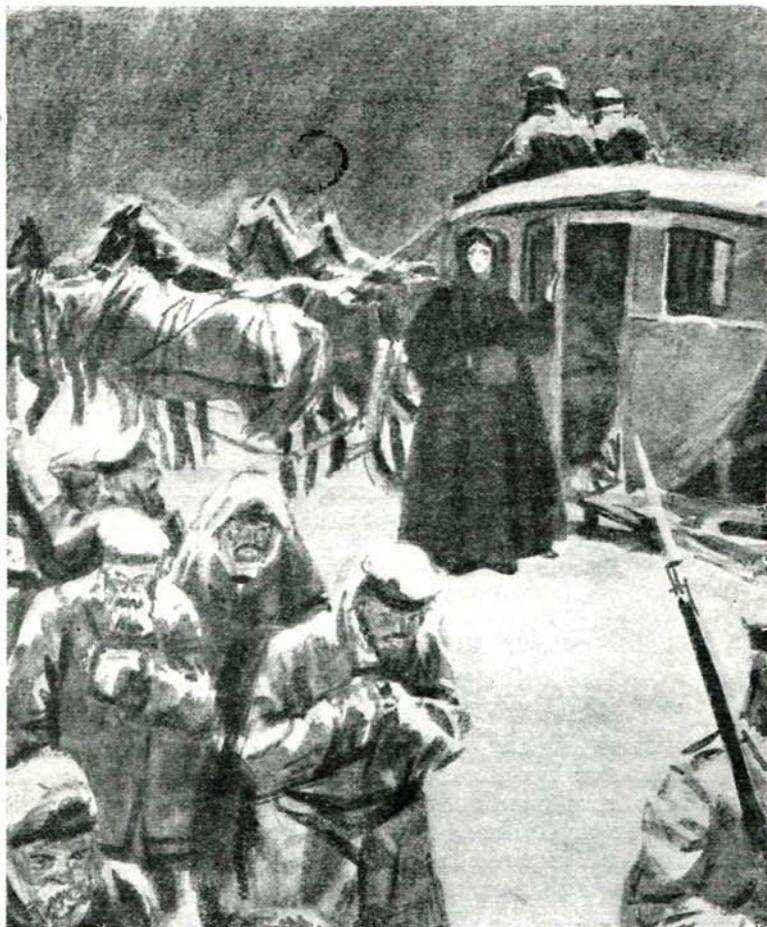

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМ «КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ»

Акварель Д. А. Шмаринова, 1946 г.

Третьяковская галерея, Москва

в котором были помещены «Коробейники», вручил мне его на память, причем извинился, что в данную минуту не имеет первых томов, которые все разошлись.

В другое мое посещение Некрасов, который и раньше всегда весьма подробно расспрашивал меня о том, что я пишу и перевожу, так как я тогда много переводила, узнав, что я начала переводить «La Chartreuse de Parme» Стендаля и намереваюсь написать критико-биографический очерк об этом весьма мало известном у нас писателе, предвосхитившем в этом романе у Ницше тип сверхчеловека в лице будущего картезианца, предложил

мне поместить этот очерк в «Отечественных» Записках». Позже, когда он узнал, что я начала эту работу и довела ее почти до половины, он сказал мне, чтоб я привезла написанное к нему в редакционный день, причем обещал познакомить меня с Плещеевым, бывшим у него, кажется, редактором литературного отдела. Я так и сделала и привезла ему свою рукопись, но уж выдалась с ним тогда не в его кабинете, как всегда, а в большой приемной с бильярдом посредине. Здесь Ник(олай) Алекс(еевич) представил мне нескольких из бывших тут литераторов, но я помню только двух — Елисеева и Плещеева, с которым я и переговорила о своем деле.

Мало-помалу выяснилось, что Некрасов не купит нашей газеты, но пока все это не определилось, я продолжала бывать у него, пользуясь всяким к тому предлогом. Так как он был очень занят тогда своим журналом, то обыкновенно я заранее спрашивала, когда могу застать его дома. Однажды, помню, я застала его особенно мрачным, — цензурные дела его не клеились, и он откровенно высказал мне это. Но зная, чем его утешить, я стала ему говорить, что придет время, когда все мы прочтем каждую строчку из написанного им, и даже, если он не будет жив тогда, то все-таки эта мысль должна теперь поддерживать его душевную бодрость. На это он горько заметил мне, что напрасно я думаю, что каждая строчка его стихов стóбит, чтоб ее читали, что он сам знает, что плохой борец и не умеет стойко стоять под грозой. Потом он мучительно сморщился и потер рукой свой большой, открытый глубокой лысиной, лоб и сказал: «Вы юны и восторженны и не знаете, сколько гадости у меня тут (показывая на лоб). Впрочем, ведь вы уже слышите, — об этом все говорят, — что я слабый человек и способен спотыкаться». На это я, глубоко тронутая благородством такого самобичевания, тихо произнесла:

Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух гнева и печали
На полпути...¹⁰

Некрасов молча взял мою руку, крепко пожал ее и произнес только: «Спасибо Вам».

В другой раз, когда я была у Некрасова, разговор коснулся нашей критики, и, помню, как Николай Алексеевич при этом с горечью стал распространяться о том, как несправедлива к нему критика, как его травят почти во всех журналах, как строго и подчас несправедливо к нему относятся, как не хотят понять того, что он не только поэт, но вместе с тем и журналист и издатель журнала. «Другим, — говорил он, — все прощают, а мне ставят каждое лыко в строку; дошло до того, что даже листки малой прессы считают себя вправе читать мне наставления». Желая отвести его от неприятных мыслей, я, смеясь, заметила, что ведь он большой корабль, значит ему и большое плавание, а вот мелким литературным сошкам, вроде меня, и полемика предьявляется особого рода; так, Буренин (писал тогда в «Пет(ербургских) Вед(омостях)» под псевдонимом Z), например, все стрелы своего остроумия направляет на меня только потому, что я «дама», как он выражается, значит и писать могу только по-дамски.

На это Некрасов слегка улыбнулся и заметил, что читал эти выходы Буренина и был очень возмущен ими. «Стыдно ему, — добавил он, — такой талантливый человек и вводит такой неприличный тон в критику».

Особенно врезалось у меня в памяти мое последнее посещение Некрасова, пред его отъездом, кажется, в имение на большую охоту, а может быть, и куда-нибудь в другое место, наверное не припомню. Знаю только, что в этот день он был особенно мрачен и не в духе, опять журнальные

дела огорчали его. Чтобы прервать это тяжелое настроение, я стала его расспрашивать о том, что он пишет нового, заметив, что мы, молодежь, с таким нетерпением ждем каждый раз появления «От(ечественных) Зап(исок)» и прежде всего заглядываем в оглавление, нет ли там его стихов. Обыкновенно, упоминание о той популярности, какой он пользовался среди молодежи, всегда действовало на него успокоительно, и он начинал улыбаться и весь как-то расцветал, но на этот раз и это не по-

«СОЛДАТКА»

Рисунок И. Е. Репина, 1891 г.
Третьяковская галерея, Москва

могло, он продолжал смотреть угрюмо и нервно пощипывал себе бородку. Тогда, удивленная, я спросила его, не случилось ли с ним чего-нибудь особенно неприятного, на что он с горечью отвечал мне:

— Ах, вы, восторженная головка, воображаете, что все судят по-вашему, а вот я недавно слышал, что нарождается теперь новый тип — семидесятников, которые говорят, что мои стихи прозаичны и скучны. Да ведь я и сам знаю, что теперь поэтический талант ослабел во мне, что рифма моя стала скудна и стих иногда вульгарен. Лучше всех я понимаю, например, что не совладал с таким чудным сюжетом, как «Русские женщины», и что я хотел сказать многое, но у меня не вышло.

— Узнаю вас, — прервала я его, — не говорите никогда так при мне о «Русск(их) женщинах», Николай Алексеевич, мне больно слышать,

как вы клеветеете на себя. Нет, по-моему тот истинный поэт, у кого вылились такие дивные строки!—И я продекламировала следующие стихи, описывающие свидание Волконского с женой в руднике:

Сергей торопился, но тихо шагал,
Оковы уныло звучали.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...
Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновление,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «Иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
И только теперь в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его, и готовность страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

Я кончила захлебываясь от слез, и это так тронуло Некрасова, что он протянул мне обе руки и сказал: «Нет, вы правы, пока мои стихи будут вызывать такие чувства у людей, они будут истинной поэзией!».

Это было наше последнее свидание; вскоре после того я заболела, потом уехала за границу, многое изменилось в моей жизни, и я больше не видала Некрасова.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Степанов состоял редактором-издателем «Искры» с 1859 г. по 1864 г., а редактором-издателем «Будильника» — с 1865 г. по 1871 г. В 1873 г. издание «Будильника» было перенесено в Москву. Следовательно, встреча А. Г. Бородиной с Некрасовым относится к 1872 г.

² Сергей Николаевич Степанов.

³ Михаил Алексеевич Воронов, — беллетрист. Упомянутая Бородиной книга Воронова «Московские норы и трущобы» была написана им совместно с Левитовым.

⁴ «Пожелания» эти заканчивались словами: «Чем бы ты ни был, куда бы ни забросила тебя Судьба, будь всегда добрым, честным и благородным человеком. Твоя Мать и друг С. Степанова». Вслед за этими словами Некрасов и вписал приводимое ниже стихотворение. Альбом хранится в архиве ИЛИ АН СССР.

⁵ В руки Фед. Ник. Устрялова «Новое Время», основанное в 1868 г. А. Киркором и Н. Юматовым, перешло еще в 1872 г. и оставалось в его руках по март 1873 г.

⁶ Николай Лукич Пушкарёв, — поэт, драматург, журналист, редактор «Московского Обозрения».

⁷ В первых двух книжках «Отечественных Записок» за 1873 г.

⁸ См. «Новое Время» 1873, № 61.

⁹ Письмо Некрасова к А. Г. Степановой в печати не появлялось.

¹⁰ Четверостишие из «Медвежьей охоты».